

СТРАХ

В начале сентября 1929 г. в Барнаул прибыл профессор Берлинской сельскохозяйственной академии, он же атташе по вопросам сельского хозяйства при германском посольстве в Москве господин Отто Эрнст Аухаген. Встретить необычного гостя председатель окрисполкома Камбалин поручил экономисту-консультанту городской плановой комиссии Павлу Михайловичу Юхневу. Юхнев до революции заведовал землеустройством Алтайского округа, имел чин статского советника (соответствует полковнику), и такая задача, рассудил Камбалин, ему больше по плечу, чем какому-нибудь малограмотному выдвиженцу пролетарского происхождения.

Юхнев родился в 1871 г. в г. Ишиме Тобольской губернии, в семье мещанина. Рано лишился отца. На скромные средства старшей сестры-учительницы окончил Петербургский лесной институт (1894) и с тех пор почти безвыездно служил в Алтайском округе, пройдя до революции путь от рядового таксатора до заведующего землеустройством округа.

Любопытная деталь: с 1893 г., со студенческих лет, он состоял под негласным наблюдением полиции как «политически неблагонадежный». И в революцию 1905 г., по свидетельству видного участника барнаульского большевистского подполья Лолия Решетникова, «оказывал всяческое содействие подпольным работникам». И это не мешало ему успешно продвигаться по службе, получать чины, ордена. Да-ле-ко было царю до Сталина!..

Впрочем, ни в какой политической партии П. М. Юхнев никогда не состоял. Позже в собственноручных показаниях писал, что даже в 1917 г. «не примкнул ни к какой партии. Ближе стоял к эсерам,

как приемникам народовольчества, в свое время оказавшим на меня влияние. Но в партии не был, а прислушавшись к бесплодным разговорам, которые, в сущности, составляли все содержание этой партии, резко отошел от всякого общения с ее представителями».

При Колчаке Юхнев служил секретарем губземуправы, заведующим переселенческим управлением. В 1920 г., после восстановления советской власти, назначен заведующим губземотделом, но вскоре, как «социально-чуждый», понижен до члена коллегии. В этом качестве проделал большую работу по организации первых при советской власти межрайонных сельскохозяйственных выставок (1922–1923), затем возглавил Алтайский отдел Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве.

В 1925–1928 гг. заведовал сельскохозяйственной секцией Сибплана и проживал в Новосибирске. В 1929 г., вернувшись в Барнаул, стал экономистом-консультантом в горплане.

И по знаниям, и по опыту работы он намного превосходил своих коллег, в том числе начальников, но у тех перед ним было два неоспоримых по тем временам преимуществ: пролетарское происхождение и партийный билет. Юхнев попал в разряд «социально-чуждых» как бывший крупный царский чиновник, несмотря на свое пролетарское, в сущности, происхождение (сын мещанина).

Каких только унижительных ограничений тогда не придумывали для «социально-чуждых», для «бывших людей»⁸! По размерам продпайка они были приравнены к ...детям одного-трех лет: 12 фунтов муки в месяц. Рабочие получали до 36 фунтов.

Детей «социально-чуждых» принимали в школу лишь при наличии свободных мест и за самую высокую плату, а в высшие учебные заведения удавалось пробиться лишь единицам. «Бывшим людям» фактически запрещалось предоставление квартир в казенных домах. Лишь смерть уравнивала их в правах со всеми: для каждого умершего, независимо от классовой принадлежности, предоставлялась бесплатно могила, лошадь и гроб...

---

⁸ Подробнее об этом см. в главе «С природой одною он жизнью дышал...». С. 69.

Нам теперь даже представить трудно, как обидно и больно было переносить все это, особенно тем, кто как Юхнев, трудился честно и добросовестно.

2

Павел Михайлович Юхнев был одним из видных алтайских краеведов. Еще в 1896 г. на собрании Общества любителей исследования Алтая он сделал сообщение «Крестьянское лесное хозяйство». В соавторстве с С. П. Швецовым им подготовлены и изданы статистическим отделом округа «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе» (два выпуска – 1898, 1900); «Горный Алтай и его население» (три выпуска – 1900, 1902, 1903).

В феврале 1925 г., на 1-й губернской краеведческой конференции выступил с докладом «История заселения края». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Жизнь Сибири», «Алтайском сборнике», был одним из авторов «Сибирской советской энциклопедии».

В 1930 г. избран председателем Алтайского отделения Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Но с укреплением тоталитарного режима старания краеведов восстановить правдивую картину минувших событий стали ненужными, даже вредными, и от них стали избавляться. В мае 1931 г. Общество изучения Сибири было разогнано, а его руководители репрессированы как «враги народа». Жертвой репрессий стал и Павел Юхнев, но об этом – позже. Вернемся к приезду Аухагена в Барнаул.

3

Вряд ли поручение начальства встретить необычного гостя обрадовало Юхнева. В условиях разраставшейся шпиономании всякое общение с иностранцем стало смертельно опасным, тем более для «бывших».

– А я вас помню! – воскликнул Аухаген, едва Юхнев ему представился. – Мы встретились в 1902 году, в первый мой приезд на Алтай.

Аухаген говорил по-русски почти без акцента и широко улыбался.

– Простите, но я вас совершенно не помню, – ответил Юхнев.

Причину его «забывчивости» понять нетрудно.

– Неужели? – еще шире разулыбался Аухаген. – В том году я познакомился в Томске с заведующим землеустройством Алтайского округа господином Соболевым, и он любезно согласился взять меня в поездку по Горному Алтаю. О, это была незабываемая поездка! Бог мой, какая там природа! А с вами мы встречались в Манжероке. Вы тогда занимались землеустройством в Бийском уезде. Так? О, у меня прекрасная память на лица!

– К сожалению, не могу этим похвастать.

Аухаген перестал улыбаться и с сочувствием посмотрел на Юхнева. Он понял причину его «забывчивости». Осторожно спросил, как идет коллективизация. Юхнев ответил, что коллективизация идет полным ходом и даже быстрее, чем в других регионах. Аухаген не стал спрашивать о подробностях. Разумеется, он знал, какими методами она проводилась.

Он попросил адрес Соболева. Юхнев дал, но предупредил, что Соболев тяжело болен. Его недавно разбил паралич, он с трудом передвигается по комнате.

Порфирий Николаевич Соболев родился в 1863 г. в Томске, в семье мелкого чиновника. Как и Юхнев, окончил Лесной институт, все годы служил на Алтае, в 1907 г. вышел в отставку по болезни в должности заведующего землеустройством округа. Как и Юхнев, до революции числился в «политически неблагонадежных», таким стал и при советской власти. «Царский чиновник!»...

Поначалу он обрадовался встрече с Аухагеном, но узнав, что он теперь атташе германского посольства, стал заметно сдержанней. Аухаген это заметил. Они вспомнили двухнедельную поездку по Горному Алтаю, но разговор не очень вязался, каждый словно боялся переступить какую-то невидимую черту, разделившую их.

Прощаясь, Аухаген пригласил Соболева к себе в гостиницу. Тот ответил, что пешком ходить не может, а на извозчика денег нет. Тогда Аухаген попросил разрешения зайти еще раз. Соболев отказать не сумел.

Накануне этой встречи он настоятельно попросил Юхнева тоже прийти, «чтобы избавить его от расспросов Аухагена».

Дело было не в расспросах. Он хотел на всякий случай, иметь свидетеля своей беседы с германским подданным. Юхнев не считал возможным отказать другу, хотя при этом подвергал опасности и себя. И вот они, трое старичков, сидят за самоваром, а чай разливают

им добрая знакомая, тоже из «неблагонадежных» Мария Георгиевна Васильева-Потанина, бывшая жена «сибирского дедушки» Г. Н. Потанина (они развелись в 1911 г.). До революции Мария Георгиевна была довольно известной сибирской поэтессой, стихи ее часто появлялись в сибирских газетах и журналах, в 1901 г. она даже в Петербурге издала книжечку стихов «Песни сибирячки» с предисловием Г. Н. Потанина. При советской власти практически не публиковалась, хотя стихи сочинять не перестала. Небольшая тетрадоочка с ними, ранее находившаяся у Порфирия Соболева, ныне хранится в литературно-краеведческом музее 27-й школы г. Барнаула. Мария Георгиевна умерла в Барнауле в 1943 г., в возрасте 80-ти лет, нищая и всеми забытая.

Но вернемся к Соболеву. Итак, трое стариков и старушка посидели, попили чайку и разошлись. Вскоре Аухаген уехал в Москву, а 3 ноября 1930 г. (заметьте, через год после описанных событий) Юхнев был арестован органами ОГПУ по обвинению в «передаче сведений шпионского характера представителю иностранного государства».

Сотрудник ОГПУ пришел с ордером на арест и к Соболеву, но тащить беспомощного старика в тюрьму не решился, доложил начальству рапортом. Тот наложил резолюцию: «Проверить и по выздоровлении арестовать».

Не довелось Порфирию Соболеву выздороветь и пополнить ряды узников ГУЛАГа...

А Юхнев около двух месяцев провел в тюрьме. Его не раз вызывали на допрос, устраивали очную ставку с Соболевым, наконец, этапировали в Новосибирск. Но и краевые чекисты не смогли доказать вину невинного. Кроме описанных случаев, Юхнев встречался с Аухагеном еще дважды, но оба раза на людях, при свидетелях, и сообщил ему лишь официальные, уже опубликованные данные по сельскому хозяйству, да и то с разрешения председателя окрисполкома.

Лишь 31 декабря 1930 г. он был освобожден «за отсутствием улик» (тогда еще улики требовались) и с подпиской о невыезде из Барнаула. Такую же подписку сверхдательные чекисты взяли и с парализованного Соболева.

18 марта 1931 г. Юхнев был снова арестован органами ОГПУ на сей раз по обвинению в «антисоветской агитации» (известно, что, кто хоть раз попадал чекистам в лапы, был уже «меченый» и

того они уже не выпускали из виду). Для второго ареста чекисты запаслись «уликами» – доносами стукачей. Вот некоторые из них.

А. А. Лапин, заведующий книжным киоском: «Отношение к политике ВКП(б) по промышленности и сельскому хозяйству у Юхнева критическое... С политической стороны знаю его как члена партии кадетов...»

Уже говорилось, что Юхнев ни в какой партии никогда не состоял.

В. К. Ободовский, плановик: «...Сталкиваясь с Юхневым по работе, у меня сложилось впечатление о нем как о человеке, который неискренне отдался работе на пользу советской власти. Идею коллективизации подвергает сомнению и высказывает мысль, что она убьет инициативу крестьянства... Юхнев – человек со старыми взглядами, но умеющий приспособливаться к моменту текущего времени...»

Н. С. Титов, землемер: «В июне 1918 года, после белочешского переворота, Юхнев радовался избавлению от большевиков, говорил: «наконец-то настало время, когда узурпаторская власть большевиков свергнута и власть перешла к демократам». Весной 1930 г., в разгар коллективизации, говорил: «Она приведет к тому, что крестьянство будет разорено».

Создается впечатление, что Юхнев, как «политически неблагонадежный», к тому же из «бывших», был окружен стукачами, доносившими о каждом его слове, о каждом шаге.

Да разве он один пострадал от них? Репрессии в нашей стране никогда не достигли бы такого размаха, не будь у чекистов столько помощников, притом большей частью добровольных, стучавших по «идейным соображениям».

После второго ареста Юхнев провел в тюрьме почти пять месяцев. Но кончилось это для него и на сей раз сравнительно благополучно. Возможно, от лагерей спасла его медицинская справка, выданная тюремным врачом: «Порок сердца. Следовать этапом не может».

5 августа 1931 г. он был из-под стражи освобожден. В постановлении следователя говорилось: «Антисоветской агитации массового характера не обнаружено. Высказывал лишь близким знакомым свою точку зрения, что не дает основания для привлечения его к уголовной ответственности по ст. 58 п. 10 УК РСФСР».

Год смерти Павла Михайловича Юхнева неизвестен, но можно с уверенностью сказать, что до 1937 г. он не дожил. Тогда бы не помогли ему никакие справки. И Соболеву тоже...